



«Давно слежу за творчеством Любви ВИРОЛАЙНЕН. До этого я знал ее как актрису преимущественно лирического плана, но в последних работах она доказала, что ей подвластны и трагедийные краски. Хотелось бы встретиться с актрисой на страницах вашей газеты, узнать о ее новых работах, заветных желаниях, планах.

Н. СОРОКА,
г. Брест».

ПОИСТИНЕ, не бывает маленьких ролей... Эту истину, столь же древнюю, как само актерское искусство, я еще раз остро прочувствовал на просмотре нового белорусского фильма «Возьму твою боль». Героиня Любви Виролайнен находится, как говорится, на периферии сюжета, но каждое ее появление вызывает долгий, саднящий отзвук страдания и боли, вызывает ощущение высокой трагедии.

— У этой роли, — рассказывает актриса, — была своя предыстория, во многом необычная. Поначалу режиссер Михаил Пташук думал предложить мне главную роль, но когда я начала читать сценарий, то меня буквально поразила судьба другой женщины — матери Иваньки. По сюжету она остается во время фашистской оккупации с двумя детьми на руках, а вскоре должен появиться и третий ребенок. Кругом — людское страдание и горе, а ей надо отвести беду от трех жизней, защитить их от зловещего дыхания войны.

Я так остро восприняла эту сюжетную линию потому, что сама родом из Белоруссии, и история нашей семьи удивительно похожа на историю семьи из фильма. Моя мать в годы войны долгое время пряталась в лесах, партизанила с тремя маленькими детьми на руках. Моему брату, как и Иваньке, было 6 лет, сестре — 3 года, а мне всего несколько месяцев. Мама рассказывала потом, что в трехмесячном возрасте мне пришлось пить бо-

тине, актеры отдают своим героям все лучшее, что у них есть. Но, вероятно, существует и «обратная связь», когда сыгранный персонаж заставляет исполнителя что-то переоценить в себе. Судя по вашим словам, роль в фильме «Возьму твою боль» относится к таким работам...

— Я думаю, что каждая роль, сыгранная честно, на пределе возможностей, остается в сердце и долго еще влияет на твои оценки, мысли, поступки. И порой бывает трудно определить, принимаешь ли ты то или иное решение от своего собственного лица или от лица персонажа... Вот уже восемь лет прошло с тех пор, как я сыграла Марию в фильме «Любить человека», а она все еще живет во мне.

Сергей Аполлинарьевич Герасимов пригласил меня для участия в картине без кинопроб и предварительной договоренности. Накануне съемок главная претендентка на эту

— Действительно, опасность подобного рода есть. Но мне повезло: Мария оказалась настолько глубокой, неисчерпаемой натурой, что, развивая черты, которые были в ней заложены, можно не опасаться самоповторений. Каждый раз, играя героиню, близкую Марии по духу, по мироощущению, я получаю возможность поговорить со зрителями об очень дорогом для всех нас вещах — о красоте высокой любви, о величии бескорыстного служения любимому делу, о счастье быть творцом своей судьбы. Гордые и нежные, сильные и незащитные, любящие и любимые — такими мне представляются идеальные женские натуры, и на съемочной площадке я довольно часто с ними встречалась.

Глубокий след оставила во мне Полина из фильма «Расколотое небо». Эта женщина удивительно естественно ощущает свою неразрывную связь с

конфликтные роли, весьма далекие от того, что делала раньше. Надеюсь, что режиссеры, которые видели во мне лишь Марию, по-иному воспримут эти работы и испробуют меня в новом качестве.

— Тогда давайте пофантазируем и хотя бы бегло набросаем портрет героини, которую вам бы хотелось сыграть.

— Актеры нередко заблуждаются относительно своих возможностей, но мне кажется, что мое истинное призвание — комедия и водевиль, а между тем только в годы учебы доводилось встречаться с подобными ролями. Хотелось бы попробовать себя в классике, ведь до сих пор преимущественно приходилось играть лишь в фильмах о современности.

Пожалуй, на этом можно и оставить перечисление, ибо реальная жизнь требует не фантазии, а реальных ролей. Их поиски привели меня на сцену. Сейчас в Ленинграде готовится к выпуску моноспектакль с моим участием, основу которого составляет поэзия А. Ахматовой. Это горький и одновременно светлый рассказ о судьбе женщины, о ее жизни, наполненной неустанным духовным горением.

В моих ближайших планах — еще один моноспектакль — «Госпожа Бовари». Я давно мечтаю об этом образе — одном из самых глубоких и ярких в мировой литературе. Эта работа на сегодняшний день — средоточие всех моих поисков и надежд. Здесь многое сошлось: и моя тоска по классической роли, и трагическая сложность образа, где высокие порывы души переплетаются с низменными страстями, и возможность переклеститься с трагедии — на фарс, с иронии — на сострадание.

Сейчас живу этой ролью, репетирую — и этим счастлива.

— Не означает ли это, что кино может отойти для вас на второй план?

— Никогда! Кино — моя жизнь. Хотя, наверное, такой ответ удивит тех, кто знаком с моей биографией. Я ведь училась в студии при Ленинградском Большом драматическом театре, несколько сезонов играла рядом с К. Лавровым и Т. Дорониной, Е. Лебедевым и С. Юрским. Но однажды пришлось выбирать между сценой и экраном, и после долгих сомнений выбрала последний. И сейчас об этом не жалею. А что касается моей работы над моноспектаклями — так это естественная тяга к новому, неизведанному, которую удовлетворить, наверное, никому из актеров ни разу до конца не удалось...

Вел беседу
Л. ПАВЛУЧИК.

НА СНИМКЕ: Л. ВИРОЛАЙНЕН на съемках фильма «Два долгих гудка в тумане».

ИНТЕРВЬЮ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Любовь Виролайнен:

«СМОТРЮ НА МИР ГЛАЗАМИ ГЕРОИНЬ»

лотную воду, спать в сырых землянках. Одним словом, за годы войны моя мама претерпела с нами столько горя и страха, столько душевной боли, что, наверное, это невозможно передать словами. И вот когда я столкнулась в сценарии с ролью матери Иваньки, то поняла, что обязана ее сыграть.

А потом началось самое трудное — съемки. После драматичных, горьких сцен я приходила в гостиницу, запиралась в номере и не могла никого видеть, никого слышать — такая боль была на сердце. А ведь мне выпало прочувствовать только миллионную долю того, что вынесли наши женщины, лишившиеся в войну самого дорогого и святого — своих детей. Сыграв трагическую, оборванную войной судьбу, я, может быть, впервые поняла, что такое счастье.

— У актера есть лишь один метод работы над ролью — бескорыстное и безоглядное саморастворение в образе. Поис-

роль заболела, времени на поиски новой исполнительницы не было, и режиссер, вспомнив мою работу в предыдущем фильме «Дорога домой», решил рискнуть. День за днем он вытягивал, «выращивал» во мне все то, что было нужно для роли. У меня ведь и в помине не было тогда той мягкости, плавности, мудрого спокойствия, которые отличали героиню. И я считала, что эта роль не моя. Лишь по мере работы происходило мое растворение в Марии, я стала не только на съемках, но и в жизни — чувствовать, думать, двигаться, как она.

Между этой памятной ролью и сегодняшним днем пролегли годы, новые роли, но время от времени я вновь смотрю на мир глазами Марии.

— Этот образ, безусловно, стал «точной отсчета» в вашей творческой биографии. Начинать с такой роли — счастье. Но, с другой стороны, существует и вполне реальная опасность впоследствии лишь варьировать уже однажды сыгранное.

отчей землей, с родным домом. Она становится для главного героя символом покоя и счастья, неистребимой женской доброты и понимания.

Несколько иной гранью эта тема повернута в фильме «Одиннадцать надежд». Моя героиня переживает трагедию, и лишь постепенно, говоря словами Ахматовой, снова учится жить, учиться быть великодушной и щедрой, отзывчивой на чужую боль.

Мне кажется, что из этих и двадцати других ролей (можно здесь вспомнить еще фильмы «Отклонение 0», «Комиссия по расследованию», «Два долгих гудка в тумане») постепенно складывается портрет женщины наших дней. И все же, несмотря на счастливую возможность встречаться с героинями, которые мне очень близки, в последнее время я стараюсь пробовать себя на принципиально ином материале. В последних работах — фильмах «Ленинградцы — дети мои», «День первый — день последний» и в упоминавшейся уже картине «Возьму твою боль» сыграла сугубо драматичные, остро-